

УДК 304.42-316.422

Тесля А.А., Труханов Е.А.

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

«ПИСЬМА ИЗ РИГИ» Ю.Ф. САМАРИНА В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О НАЦИИ И ИМПЕРИИ¹

Рассматриваются основные тезисы «Писем из Риги» Ю.Ф. Самарина (1848 – 1849) в связи с процессами становления национального сознания и трансформации Российской империи в 1-й половине XIX века.

Ключевые слова: империя, национальная политика, национальное сознание, «остзейский вопрос», славянофилы

Интерес Ю.Ф. Самарина к положению в остзейских губерниях (тому, что в дальнейшем станет принято обозначать, по аналогии с «польским вопросом», «остзейским вопросом») возник почти случайно. Поступивший на службу в Министерство юстиции в 1844 г., после блистательной защиты диссертации о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче, Самарин отчаянно тосковал в Петербурге, вынужденный заниматься мелкими и, главное, преимущественно бесполезными канцелярскими обязанностями. Он обдумывает возможность поступить на дипломатическую службу, получить назначение в одну из внутренних губерний (Хомяков уговаривает его добиваться перевода в Москву, чтобы не отрываться от славянофильского кружка), словом, пытается найти способ переменить свое положение. В начале 1846 г. ему поступает приглашение перейти на работу в Министерство внутренних дел, приняв участие в пересмотре положения о лифляндских крестьянах. Принимая данное приглашение, Самарин в первую очередь рассматривает его как возможность «сменить обстановку» – Хомяков, в ответном письме, сожалеет об изменившихся планах (предполагалось, что Самарин сразу поедет в Ригу, однако он на несколько месяцев оказался причислен к заседавшему в Петербурге комитету).

Московский кружок славянофилов практически не интересовался в это время русскими окраинами – и потому взгляды Самарина на дела остзейских губерний определялись скорее в перспективе, с одной стороны, общей унификационной политикой, характерной для внутренней политики николаевского царствования, а с другой, находили идеологическое оправдание скорее в традиции прямолинейного национализма образца М.П. Погодина, с присущей ему моделью «негативной идентичности» и склонностью к ксенофобии². Взгляды Самарина на желательное направление русской политики в Остзейских губерниях, в частности по вопросу о местных привилегиях или по аграрному вопросу, в це-

лом сформировались – а, точнее, были восприняты готовыми, еще до поездки в Ригу [7, с. 1]. Однако двухлетнее пребывание в Риге оказало существенное влияние на взгляды Самарина – не столько на их содержание, сколько на эмоциональный фон. Вопрос, который до этого момента не выделялся из массы других относительно значимых внутривластных сюжетов, постепенно приобрел для Самарина личную значимость, оказался одной из сквозных забот его жизни.

Правительство, начавшее действовать решительно и во внутренне одобряемом Самариним духе в остзейском вопросе, постепенно утрачивало решимость, а затем фактически не только отказалось от намеченных существенных реформ, но и фактически отменило и те немногие действия, направленные на ограничение власти помещиков над лифляндскими и эстляндскими крестьянами, на сокращение местных законодательных изъятий и повышение контроля центральной власти над местной (дворянской) администрацией, который были приняты в 1845 – 1848 гг. Знаковым событием стала отставка генерал-губернатора Е.А. Головина и назначение на его место кн. А.А. Суворова, взявшего курс на достижение согласия с местными высшими сословиями, что, в глазах Самарина, равнялось капитуляции правительственной власти перед остзейскими провинциальными дворянскими интересами. М.П. Погодину Самарин писал в апреле 1848 г. из Риги:

«Грустно вообще быть свидетелем крушения политической системы, которой мы сочувствовали, с коей связаны были, по нашему убеждению, государственные выгоды и народное достоинство; но еще тяжелее, когда с подобною переменою сопряжено торжество партии антинациональной и глубоко-эгоистической, когда это торжество проявляется не в одной перемене основного направления администрации, но в бесполезных, полудиких оскорблениях всего того, что не может не быть дорого русскому сердцу, наконец, когда это делается не для какой-либо общепольной цели, но бессознательно, из самолюбивого желания приобрести популярность, или, лучше, купить ее всевозможными жертвами и уступками. Между тем, именно это происходило у нас перед глазами, в Риге, с приезда князя Суворова, в течение двух первых недель. Казалось бы, трудно в столь короткий срок резко обозначить себя в политической деятельности; но новому генерал-губернатору это вполне удалось...» [6, с. 258].

Самарин чувствовал себя лично оскорбленным – то дело, правота которого глубокого переживалось им, было не только оставлено, но и объявлено бесчестным посягательством на права. Как в связи с другой ситуацией из жизни Самарина писал его лучший биограф Б.Э. Нольде, «он должен был защищаться.., а защищаться по его натуре значило вновь нападать» [1, с. 223]. Уже в апреле 1848 г. он извещает М.П. Погодина, что готовит «несколько писем об Остзейском крае, которые буду посылать Хомякову с тем, чтобы он давал им ход. Вы

не поверите, как во мне разыгралась желчь от всего, что я вижу и слышу» [6, с. 258]. Эта «разыгравшаяся желчь» нашла выход в блистательных «Письмах из Риги», распространению которых сам автор всячески способствовал, хотя и соблюдая некоторую формальную осторожность. Б.Э. Нольде писал:

«...Они произвели сильное впечатление и вызвали оживленные разговоры. Надо помнить глухую обстановку тогдашней русской жизни, в которой ничего не случалось и не о чем было говорить и думать, — чтобы понять это впечатление. Письма были написаны необыкновенно смело и с огромным блеском. Они заключали резкую критику правительственной политики. Все это делало появление их целым событием. [...] При чтении “Писем из Риги” необходимо, что понять произведенное ими впечатление, отделиться от воспоминаний о балтийской полемике позднейших десятилетий. Все аргументы этой полемики, позднее столь навязшие в зубах и ставшие столь тривиальными, были высказаны тогда в России в первый раз, причем с совершенно непривычной в те годы смелостью. Никто никогда до того не говорил в России таким языком об остзейских делах и русской государственной миссии в прибалтийском крае.» [1, с. 52, 54].

В «Письмах из Риги» впервые отчетливо была изложена, пусть и по частному поводу, политическая программа, исходившая из видения Российской Империи как национального государства — точнее, из перспективы рассмотрения движения Империи в направлении трансформации в национальное государство. Если остзейцы защищали свои привилегии, свой особый юридический статус, ссылаясь на более чем вековую традицию преданного служения династии, то для Самарина данные доводы сами по себе не были аргументом, поскольку, на его взгляд, сейчас спор шел уже о другом:

«...Досада на самих себя, презрение к России, перенятое у Германии, сознание потребности в помощи правительства, все это сливается вместе и выражается в тоне, с которым произносятся эти слова: Ja, wir sind Unterthanen des russischen Kaisers, aber mit Russland wollen wir uns nicht vermengen³. Обратите внимание на эту фразу: она заключает в себе задушевную мысль остзейцев. Мы будем иметь дело исключительно с правительством, но не хотим иметь дела с Россией, и если нас вздумают в том упрекать, мы зажмем рот обвинителю этими словами: мы верноподданные Государя, мы служим ему не хуже вас, больше вы ничего от нас требовать не вправе. Так думают и говорят остзейцы, и не мудрено; но, признаюсь, мне становится досадно и грустно, когда я вижу, что эта мысль, возникшая в кругу людей, для которых не существует отчизны, в нашем обществе не только не возбуждает негодования, но даже находит одобрение» [2, с. 41 – 42].

Именно против такого разграничения — Империи, сложного целого, выражаемого фигурой монарха, объединяющего и скрепляющего в своем лице массу

территорий, каждая из которых имеет свои особые права и привилегии, Империи, как системы «неравномерного властвования», и национального целого – направлен протест Самарина. Последний полемически вопрошает: «Неужели и у нас считают возможным быть верными подданными русского государя, и в то же время презирать русских, гнушаться русского языка, ненавидеть православие, одним словом, питать враждебное расположение ко всему тому, что составляет лучше достояние народа, а, следовательно, и силу правительства?» [2, с. 42]. Российская Империя мыслится им как империя русского народа – противопоставляя вненациональной Австрии; империя должна быть (но, поскольку она таковой не является, то должна *стать*) национальной, а не наднациональной или вненациональной:

«Неужели полагают, что Русский Царь позволит кому-нибудь посягнуть на нераздельность его выгод с благом народным, захочет сложить с себя то значение, в которое облекла его наша история: значение *первого человека русской земли и первого сына православной церкви* [выд. нами – А.Т., Е.Т.] и что это неотчуждаемое достояние своих предков, это неизгладимое помазание променяет на личные отношения западных вассалов к их господину?» [2, с. 42].

Собственно в этом новом взгляде и состояло существенное содержание «Писем из Риги» – подробности остзейских дел могли пониматься различно, но на вызов, брошенный Самариним самому пониманию Империи, ответить было тем сложнее, что сама имперская политика отличалась противоречивостью. С одной стороны, Империя оставалась в самом существе домодерной, построенной на принципе включения и вовлечения местных разнородных элит. С другой, николаевское царствование стало этапом одновременного преобразования империи в двух направлениях: во-первых, модернизации государственного управления – унификации правовых норм, стандартов и практик администрирования, создания профессионального бюрократического аппарата и т.д.; во-вторых, в стремлении задействовать и направить в приемлемое для властей русло рост протонациональных настроений, стимулированный событиями 1812 года. Доктрина «официальной народности» стала наиболее законченной и продуктивной попыткой последнего рода – и она же создавала проблему в ситуации, подобной вызванной публицистическим выступлением Самарина. Предназначенная для «внутреннего потребления» русским обществом, она на практике не предполагала применения к национальным окраинам – а именно такую, непредусмотренную перспективу и придавал ей Самарин. Разные принципы лояльности, удобные по отдельности, оказывались несовместимы, сведенные в рамках одной ситуации – династическая лояльность и лояльность государству как выражению нации (национальная лояльность) предполагали принципиально различные модели и самого государства, и требований, предъявляемых к подданным. Данный конфликт отчетливо выразился в беседе Николая I с Самариним, фельдъегерем доставленного в Зимний дворец из Петропавловской кре-

пости, куда он был заключен за распространение «Писем...», вечером 17 марта 1849 г.⁴. По словам Нольде, этот «разговор... необыкновенно ярко передает столкновение традиции с новшествами политического выступления Самарина» [1, с. 54]. Центральным моментом беседы стал длинный монолог императора – своего рода попытка государя если не объясниться, то объяснить своему подданному суть остзейского вопроса так, как его понимала высшая власть:

«...Вы очевидно возбуждали вражду немцев против русских, вы ссорили их, тогда как следует их сближать; вы укоряете целые сословия, которые служили верно: начиная с Палена, я мог бы высчитать до 150 генералов. Вы хотите принуждением, силою, сделать из немцев русских, с мечом в руках как Магомет... [...] Вы прямо метили на правительство: вы хотели сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы все окружены немцами и сами немцы. Понимаете, к чему вы пришли: вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря» [2, с. ХСІ, ХСІІ].

В записи беседы, составленной Самариним, последний говорит: «Я перебил уверением, что никогда не имел такого намерения. – Верю, [отвечал император,] что вы намерения не имели, но вот к чему вы шли» [2, с. ХСІІ].

Собственно, в разговоре император отчетливо высказал два основных обвинения Самарину – о первом, попытке помыслить империю как национальное («национализирующееся») государство и тем самым спровоцировать конфликт с местной немецкой элитой, мы обстоятельно говорили выше. Второе обвинение, тесно связанное с первым, состояло в обращении к общественному мнению – Самарин с самого начала службы в Министерстве внутренних дел отказывался быть чиновником-слепым исполнителем приказаний, готовый служить делу только в том случае, если оно совпадало с его убеждением⁵. Но куда более важной была сама логика национального вопроса – нация, от имени которой стремился говорить Самарин, обретала субъектность и, соответственно, задача была не только в том, чтобы убедить правительство проводить ту или иную политику, но в осознании обществом своих интересов, нового типа сознания. Не случайно в ключевом пассаже III-го «Письма...» Самарин подчеркивает, что его возмущение и негодование вызывают не мнения «остзейцев» – для последних они если и не справедливы, то понятны, – а то, что подобный взгляд «в нашем обществе не только не возбуждает негодования, но даже находит одобрение» [2, с. 42]. Беседа (и подспудный спор) Николая I с Самариним приобретают символическое значение – отражая сумму тех проблем и расхождений, которые станут ключевыми для отношений славянофилов с модернизирующейся империей 2-й половины 50-х – 80-х годов XIX века [см.: 8].

Примечания:

1. Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.

2. О влиянии М.П. Погодина на взгляды Ю.Ф. Самарина см.: [4, с. XIII; 7, с. 4].
3. «Да, мы подданные Русского Императора, но с Россиею мы не хотим смешиваться» (нем.).
4. Самарин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость 5 марта. Через десять дней, 15 марта, к нему явился священник, долго беседовавший с ним – это был не представившийся протопресвитер Бажанов, духовник императора. 17-го вечером Самарин был доставлен в Зимний дворец, где наедине беседовал с Николаем I – после чего получил «прощение» и отправлен в Москву. Согласно записи Самарина, император в завершение беседы сказал: «Поезжайте теперь в Москву и успокойте ваших родителей; поезжайте завтра, если соберетесь; ступайте сейчас к министру внутренних дел и скажите ему, что я вас отпускаю. В Москве мы, я надеюсь, увидимся [вскоре императорская фамилия должна была прибыть в Москву на открытие Большого Кремлевского дворца – *А.Т., Е.Т.*] и там вы узнаете, какой род службы я вам предназначил. Вы будете служить в Москве, в глазах ваших родителей; это для вас лучше, чем здесь, где вы можете подвергнуться неприятностям и дурным влияниям» [2, с. ХСIII]. Хотя Николай I в разговоре и говорил о службе в Москве, однако в дальнейшем властями это было сочтено неудобным и 3 августа Самарин был командирован в распоряжение Симбирского губернатора, а 15 октября, вследствие доноса о вредном его влиянии на симбирское общество, командирован в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел в распоряжение киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова, под началом которого и прослужил до декабря 1852 г. (официально уволен в отставку 21 февраля 1853 г.).
5. Извещая Хомякова о своем назначении в Комитет об устройстве быта лифляндских крестьян, Самарин в 1846 г. писал: «Все знают, что я действую по убеждению, следственно, внутренне одобряю если не частные меры, то цель правительства...» [9, с. 420].

Список литературы:

1. Нольде, Б.Э. Юрий Самарин и его время. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.
2. [Самарин, Ю.Ф.] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VII: Письма из Риги и История Риги. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1889. – СХХХV+658 с.
3. [Самарин, Ю.Ф.] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VIII: Окраины России. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1890. – ХХVII+622 с.
4. [Самарин, Ю.Ф.] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. IX: Окраины России. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1898. – ХХХIV+485 с.
5. [Самарин, Ю.Ф.] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. X: Окраины России. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1896. – 480 с.
6. [Самарин, Ю.Ф.] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. XII: Письма 1840 – 1853. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1911. – XII+477 с.
7. Тесля, А.А. Остзейский вопрос в переписке Ю.Ф. Самарин: [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://www.hrono.info/libris/pdf/tesla_aa_samarin_riga_1846-48.pdf].
8. Тесля, А.А. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма: [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://www.hrono.info/libris/pdf/tesla_aa_slavanophili%20main%20lines.pdf].
9. [Хомяков, А.С.] Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Т. VIII: Письма. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. – 480+57 с.